

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Радж Ларго

ОДНАЖДЫ...

По следам Воланда

Радж Ларго Однажды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65296286

SelfPub; 2021

Аннотация

Однажды летом два прожигателя жизни встречаются на своем пути бездомного старца, у которого есть, чем поживиться. Друзья приглашают его к себе домой с целью ограбить, но не тут-то было. В одночасье гость полностью преобразается: меняется не только его внешность, манера речи, но и облик... Перед ними предстает явно не оборвыш, которого они нашли, а кто-то явно не из этого мира...

Содержит нецензурную брань.

Радж Ларго

Однажды

Лето выдалось беспардонно жарким. Люди стали забывать, когда в последний раз находили укрытие от дождя под ветвями деревьев. Они, в свою очередь, примерили на себя наряд притягательного зеленого оттенка и источали самую жизнь. Но, не смотря на всю щедрость погоды, обрушившую всю свою благодать растительному миру, у многих на душе появлялась толика грусти и на ум приходили следующие строки: «Уж небо осенью дышало...», так, как без капель влаги поднебесной, деревья, вскорости, примерят наряд иной окраски, свидетельствующий о скором приближении любимой пары великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Однако их сердца не были согласны со строками из стихотворения того же писателя: «Люблю я пышное природное увяданье». Все желали расцвета и процветания, а не увядания. Инфернальная жара успела изрядно поднадоесть не только людям, но и тем, кому подвластны небеса. Группа птиц, а именно голубей, нашли прибежище от жары на весьма причудливом месте: на высохшей ветке под палящим солнцем, знавшего лучшие времена, дерева. Их неподвижный и взлохмаченный вид находил в сердцах свидетелей сей дивной картины отклик тоскливого трепета.

На одной из многочисленных лавочек, расположенных в

небольшом скверике, неподвижно лежал на правом боку лицом в противоположном направлении от прохожих людей, пожилой человек. На нем была выцветшая рубашка не первой свежести, темные протертые штаны и темные штиблеты из той же оперы. Весь его облик, наталкивал всякого на мысль о том, что это – бездомный. Прогуливающаяся публика выражала негодование, качая головами, отводя взгляд от лежащего, а иные громко, чтобы привлечь внимание остальных посетителей скверика, причитали: «Голодрань совсем распоясалась. Безобразие!».

На противоположной от лавчонки пожилого человека сидели на скамье два молодых человека. Рядом с ними на углу скамейки расположилась гитара. Они курили, бросали взгляды на прохожих девушек, обращаясь к ним с похабными шутками и находили веселье в том, как люди негодуют от лежащего бездомного. В общем, типичные прожигатели жизни. Им обоим было не больше двадцати пяти лет. Одежда их выглядела вполне прилично: ничего экстравагантного, но и предосудительного – футболки, джинсы и кроссовки, на головах кепки. Того, которого звали «Биток», что значит лихой хулиган, повернулся к своему товарищу и сказал:

– Слышь, Лабух, надоели эти алюры с этим бабаем, имея ввиду девушек и бездомного. Сыграй лучше Цоя. Эту, как ее, «Кончится лето».

Лабух двумя пальцами эффектно швырнул окурок в урну, стоящую рядом со скамейкой, и принялся исполнять заказ

своего экспансивного товарища. Через несколько секунд на противоположной скамейке произошло некоторое действие: похоже, бездомному наскучило лежать в одном положении, он лег на спину. При этом движении, его рука безжизненно повисла над землей, слегка соприкасаясь с ней, а глаза смотрели вверх, не мигая. Его изможденное бородатое лицо выражало тревогу и светилось бледностью. Метаморфозы на противоположной стороне не скрылись от глаз Битка, а его, вошедший во вкус, товарищ закрыл глаза, качал головой в ритм музыки и ничего не заметил. Цепкий глаз Битка моментально приметил на свисающей руке бездомного дорогие часы, коих никак не могло быть у нищего.

– Лабух, хорош брэнчать. Дави маяк туда. Зырь, на арабку того бабая! – сказал Биток, слегка толкнув по плечу своего друга, обращая внимание того на руку с часами бездомного. Тот открыл глаза и устремил свой взгляд в указанном направлении. Мелодия, издаваемая гитарой, резко оборвалась. Увидев искомый предмет, глаза Лабуха заискрились. Он убрал гитару туда, где она лежала до того, как ее потревожили. – Откуда у барабанщика такие баки? – вопрошал Биток, обращаясь к своему другу, но все еще, не отводя взгляд от часов. – Нужно их жимануть, – растягивая слова, добавил он.

– Что ты за бадягу гонишь? – обратился Лабух к Битку. Его лицо выражало недоумение. – Свидетелей тьма. Нужно по-умному, бачкист ты недоделанный. Подойдем к нему, за-

бьем баки и прощайте покедова. – Сказано – сделано. Оба, не торопясь, встали и спокойной походкой подошли к бездомному. Гитару оставили на том же месте.

– Слышь, дед, откуда котлы достал? – спросил Лабух, стоя перед лежащим человеком. Биток в это время оглядывался по сторонам, мол не наблюдает ли кто за этой сценой. Пожилой человек ничего не ответил. Не повел ни одним мускулом. Его глаза все также, не мигая, смотрели вверх.

– Может он того, глухой? – спросил Биток у своего друга, все также оглядываясь по сторонам. Лабух присел на корточки, прислонился к уху лежащего и чуть громче повторил вопрос: «Котлы откуда, дедок?», – лежащий человек что-то прошептал очень тихо, но ни один не разобрал слов. – Если не скажешь, мы тебя испортим! – подытожил Биток, глядя на бездомного.

– Я знаю, где еще можно такие достать, – едва слышно прошептал старик. Лабух встал на ноги. Друзья, не стовариваясь, переглянулись. На их лицах играла хитрая полуулыбка. После произнесенных слов, старик закрыл глаза и не шевелился. Он был изможден голодом и жаждой. – Воды, – открыв глаза, очень тихо произнес старик.

– Давай его на хату возьмем. Дадим хавчик, а он нам котлы выдаст. Ну, а там двинем от фонаря, – обратился Лабух к своему подельнику.

– Покубатурить надо, – почесывая затылок, сказал Биток. – Мы его домой, а он возьми и слямзи чего. Нееет так

не пойдет.

– Да что тут кубатурить? Чего он слямзит? Ты глянь на него! – немного рассердившись и повысив голос, ответил Лабух, но тут же осекся, поняв, что может привлечь внимание прохожих.

– Лады, – сказал со вздохом Биток. – Давай, подсоби. – они подняли под локоток пожилого человека и, держа его с двух сторон, направились восвояси. Гитара осталась на том же месте.

***

Те же, но уже в квартире. Правда часы бездомного поменяли свои место пребывания, аккуратно оказавшись на запыстье Лабуха. Все трое сидят за небольшим столом. На столе графин с водой, неполная бутылка водки, три рюмки, кружка с черным чаем, хлеб, тарелка с сыром, тарелка с кусочками арбуза, а также помидоры и огурцы, поделенные пополам. Лабух разливал водки по рюмкам, а Биток сидел молча, уставившись на гостя.

– Ну, будем, – сказал Лабух и все трое чокнулись. Гость осушил рюмку залпом, а двое других поставили свои на стол, не пригубив, перемигиваясь. Биток снова наполнил рюмку гостя алкогolem. Пожилой человек уже немного поел и пришел в себя, но не проронил ни слова. Он надкусывал кусочек арбуза, как Лабух сказал своему соратнику: «Отойдем на пару слов, а наш гость (тут он посмотрел на бездомного, улыбаясь) поправляет здоровье». Они встали, отошли в дру-

гую комнату.

– Ща этот летун кишку побьёт, примет еще обжигающей и, как пить дать, выдаст нам место котлов, – сказал Лабух внимательно слушавшему товарищу. – А потом мы его, как куля на улицу.

– Ништяк, – ответил Биток.

Вернувшись в комнату, они не обнаружили за столом бездомного. На том месте, где сидел их несчастный гость, восседал человек, одетый в красивый черный костюм с белым платком в петлице. Это был все тот же человек, но уже чисто выбритый, причесанный и с прямой осанкой. На лицах друзей повисло недоумение. Они переглянулись друг с другом, не в силах произнести ничего вразумительного.

– Аааа как? Где? Кто? – вот все, что смог вымолвить Лабух. Биток же остолбенел и ничего не смог выдать из себя.

– Я полагаю, вы, друзья мои, хотели бы знать, кто я и как такое возможно? Всеу свое время. Да вы присядьте, а то, неровен час, ноги подкосятся, – обратился к недоумевающим друзьям без пяти минут обманутый гость. Он произносил слова размеренно, не торопясь, будто наслаждался каждым мгновеньем. Горе аферисты опустили на диван, находящийся недалеко от стола, и уставились на человека в костюме во все глаза. – Итак, по порядку, – после этих слов его лицо из приветливо-добродушного стало жестким, даже злым.

– Человек – это звучит гордо! – с гримасой глумления

продолжил бывший бездомный. Он поджал губы и медленно покачал головой. – Ничего подобного. Возможно он так звучал во времена благородного Гектора, Тезея или Одиссея (тут его голос прозвучал громко, чувствовалось восхищение и гордость), но никак не в двадцать первом веке (при этих словах его голос вернулся в свою колею). Да и к тому же, все они из мифов и легенд. На самом же деле, человек – это самое шаткое и жалкое существо во вселенной, – при этих словах на его лице читалось презрение. – Большая половина из вас абсолютно уверена в себе и даже не допускает, что может ошибаться в чем-то. Эти кувшинные рыла даже не пытаются хоть самую малость расти над собой. Видите ли, им это без надобности, совершенно незачем. Разве можно им что-то объяснить. Нет, конечно, они этого не допустят. Они же все знают. поголовно все академики. Пока имеются эти «великие комбинаторы», у человечества нет шансов хоть немного возвыситься над собой и уж тем паче называться гордо. – Во время произношения всего этого монолога, было видно, что говоривший оседлал любимого конька. – Что-то я разошелся. Пора закругляться, друзья мои, – сказал он, улыбаясь своим собеседникам. Их лица были испуганными, а после последних слов гостя появились нотки облегчения.

– Я ведь там на лавочке умирал от голода и жажды, а никто и не подумал спросить может мне плохо. Вместо этого все только выражали презрение и негодование. Если бы я сдох там, через пару дней взяли бы меня и выбросили на ка-

кую-нибудь помойку. Бездомные люди – никто для имеющих кров, пустое место, кого можно втоптать в грязь, да вы их и не считаете людьми. А кто дал вам право кого-то считать человеком, а кого-то нет? – Громко и грозно спросил говоривший у слушателей. Те, в свою очередь, побелели от страха, не предвкушая ничего хорошего.

– Вы хотели знать кто я такой. Я тот, кто может сделать с вами все, что мне заблагорассудится, всего лишь щелкнув пальцами, но за то, что вы накормили бездомного, хоть и не без корысти, я вас не убью, а отправлю туда, откуда не возвращаются, – растягивая последние слова, произнес гость и пригубил кружку с налитым чаем.

Оба товарища вскочили на ноги. Видимо до них дошла вся серьезность происходящего и принялись просить его не делать этого, но, не поднимая головы от кружки, гость поднял левую руку (голосащие моментально притихли) и щелкнул пальцами. Послышался звук ударившегося предмета об пол. Когда он повернул голову к ним, то на их месте, а точнее на полу остались лишь две кепки и наручные часы, которые снял с бездомного Лабух. Человек в костюме встал и поднял часы, вернул их на законное место и направился к выходу. Однако на нем уже не было костюма, а та же одежка, которая была на бездомном. Открыв входную дверь, он обернулся. Волосы его снова стали взъерошенными, а чисто выбритое лицо вновь обросло бородой. Он выключил свет, закрыл дверь за собой и был таков.